У Судомойка.

Разъ около стада у глубокой ямы пряли дѣвушки ленъ. Вдругъ приходитъ старикъ съ бѣлой бородой до пояса и говоритъ имъ:

— Дѣвушки, берегитесь этой ямы: если котораянибудь изъ васъ уронитъ туда свое веретено — мать ея сейчасъ же превратится въ корову.

Сказавъ это, старикъ и исчезъ, а дѣвушки, удивляясь рѣчамъ, подошли къ ямѣ ближе и стали смотрѣть въ нее, пока у одной самой красивой изъ нихъ не выскользнуло изъ рукъ веретено и не упало въ яму. Когда они вечеромъ возвратились домой, мать ея уже стала коровой и стояла около дома. И стала дѣвушка и эту корову гонять вмѣстѣ съ другими на пастбище.

Спустя нѣсколько времени, отецъ этой дѣвушки женился на одной вдовѣ, у которой была дочь. Мачеха не влюбила своей падчерицы особенно за то, что она была красивѣе ея родной дочери. Она запрещала ей мыться, чесаться, одѣваться и придиралась ко всякому случаю, чтобы мучить и наказывать ее. Разъ утромъ дала мачеха падчерицѣ цѣлый мѣшокъ льна и говоритъ:

— Если до вечера ты всего этого не выпрядешь и не смотаешь въ мотки, — не возвращайся домой и живи гдѣ хочешь.

Сколько могла пряла дѣвушка, ходючи за коровами, а когда въ полдень коровы улеглись въ тѣни, посмотрѣла дѣвушка въ мѣшокъ, видитъ, что и слѣда нѣтъ, что она пряла, и стала она плакать. Корова, что прежде была матерью дѣвушки, увидѣвши, что она плачетъ, спросила, что съ ней случилось, и дѣвушка рассказала ей все по порядку, какъ было. Корова стала утѣшать и успокоивать ее:

— Я, — сказала она, — стану жевать ленъ; изъ моего уха покажется нитка, ты бери ее и мотай въ мотки.

Такъ и сдѣлали. Корова стала жевать ленъ, дѣвушка изъ ея уха мотала нитки, и скоро все было готово.

Очень удивилась мачеха, когда дѣвушка вечеромъ подала ей огромный мотокъ нитокъ и на утро дала ей еще больше льну. Дѣвушка опять спряла и смотала нитки и вечеромъ отдала мачехѣ. Подумала мачеха, что падчерицѣ помогаютъ подруги, и на третій день дала ей еще больше льну, но тайкомъ послала свою дочь посмотрѣть, кто ей помогаетъ прясть и мотать. Дочка пошла, увидѣла, какъ корова жуетъ ленъ, а падчерица мотаетъ нитки; пришла къ матери и все ей рассказала.

Стала мачеха приставать къ мужу, чтобы онъ зарѣзалъ эту корову. Сначала мужъ отговаривалъ жену, но потомъ согласился и сказалъ, что въ такой-то день онъ зарѣжетъ корову. Падчерица,

узнавши это, начала плакать. Увидѣла это корова и спросила, чего она плачетъ. Дѣвушка рассказала ей все, а корова говоритъ:

— Не плачь, а какъ меня зарѣжутъ, возьми мои кости и похорони ихъ за домомъ подъ такимъ-то камнемъ, и когда будетъ у тебя горе, приди ко мнѣ на могилу: я помогу тебѣ.

Зарѣзали корову. Дѣвушка собрала ея кости и похоронила, гдѣ ей приказала корова. Дѣвушку эту звали Мара; но такъ какъ она готовила обѣдъ, мыла и мела полы, чистила посуду и исполняла всѣ домашнія работы, такъ ее прозвали судомойкой.

Разъ въ воскресенье собралась мачеха съ дочерью въ церковь, а на полу избы рассыпала цѣлую мѣру проса и говоритъ падчерицѣ:

— Если ты, судомойка, не соберешь всего этого проса и не приготовишь обѣдъ, убью тебя, вернувшись изъ церкви!

Пошли они въ церковь, а сиротка стала плакать, говоря про себя:

«Не боюсь я за обѣдъ, его-то я успѣю сострять, но какъ собрать столько проса?»

И вспомнила она, что корова ей велѣла итти на ея могилу, если случится несчастье. Сейчасъ побѣжала дѣвушка туда и что же видитъ? На могилѣ стоитъ громадный отворенный сундукъ съ дорогими платьями, а на крышкѣ сидятъ два бѣлые голубя и говорятъ ей:

— Мара, возьми ты платье, какое хочешь, одѣнь-

ся и иди въ церковь, а мы тутъ соберемъ просо и все сдѣлаемъ.

Взяла Мара первое платье сверху, одѣлась и пошла въ церковь.

Въ церкви всѣ, и мужчины и женщины, удивлялись ея красотѣ и платью и никто не зналъ, кто она и откуда. Особенно понравилась она царскому сыну, который былъ въ церкви. Передъ концомъ службы вышла Мара незамѣтно изъ церкви, прибѣжала домой и положила платье опять въ сундукъ. Сундукъ самъ затворился и исчезъ. Бросилась она въ домъ, а тамъ уже и просо подобрано, и обѣдъ готовъ, и все прибрано. Немного спустя вернулась и мачеха съ дочерью изъ церкви, и сильно удивились онѣ, видя, что все готово и просо выбрано.

На другое воскресенье мачеха съ дочерью опять собрались въ церковь. Мачеха разсыпала по избѣ еще больше проса и опять говоритъ падчерицѣ:

— Если ты не соберешь проса, не сготовишь обѣда и не приведешь всего въ порядокъ, убью тебя, вернувшись изъ церкви.

Ушли онѣ въ церковь, а падчерица сейчасъ къ материнскому гробу. Опять тамъ, какъ и прежде, стоитъ отворенный сундукъ, а на крышкѣ сидятъ два голубя и говорятъ:

— Одѣнься, Мара, и иди въ церковь, а мы тутъ соберемъ просо и все сдѣлаемъ.

Взяла она платье изъ чистаго серебра, одѣлась и пошла въ церковь.

Въ церкви удивлялись ей еще больше, чѣмъ прежде, а царевичъ глазъ не сводилъ съ нея. Въ концѣ службы она опять незамѣтно выскользнула изъ церкви, прибѣжала къ могилѣ, сняла платье и пошла домой. Вернувшись изъ церкви, мать съ дочерью удивились еще больше, видя, что просо собрано, обѣдъ готовъ и все сдѣлано.

На третье воскресенье опять собрались онѣ въ церковь. Мачеха еще больше насыпала проса и сказала, какъ и прежде:

— Если ты не соберешь всего проса, не приготовишь обѣда и не приведешь всего въ порядокъ, убью тебя, вернувшись изъ церкви.

Пошли онѣ въ церковь, а Мара — опять на могилу матери. Тамъ снова стоялъ открытый сундукъ съ платьями и два голубя на немъ сидятъ. Взяла Мара изъ сундука платье изъ чистаго золота, нарядилась и пошла въ церковь.

Въ церкви всѣ удивлялись ей еще больше, а царевичъ, чтобы не упустить ея, какъ прежде, рѣшилъ подстеречь ее и посмотрѣть, куда она пойдетъ. Въ концѣ службы Мара ушла, а царевичъ за ней. Пробираясь среди народа, она потеряла башмачокъ съ правой ноги и пошла босикомъ, а царевичъ поднялъ этотъ башмачокъ. Вернувшись домой, Мара опять сняла платье и положила въ сундукъ, а сама пошла къ печкѣ.

А царевичъ пошелъ съ башмачкомъ искать ее по всему царству и примѣрялъ башмакъ всѣмъ дѣвушкамъ. Но одной онъ былъ длиненъ, другой —

коротокъ, одной узокъ, другой широкъ — никому не впору. Переходя изъ дома въ домъ, пришелъ царевичъ и въ домъ отца Мары. Увидѣвши, что царевичъ пришелъ искать дѣвушку, мачеха спрятала падчерицу на дворѣ подъ корыто.

Вошелъ царевичъ въ избу и спросилъ, нѣтъ ли у нихъ въ домѣ дѣвушки. Мачеха отвѣтила, что есть, и показала свою дочку. Стали примѣрять ей башмачокъ — не лѣзетъ, да и только. Царевичъ спросилъ, нѣтъ ли еще у нихъ дѣвушки, но мачеха отвѣтила, что больше нѣтъ.

Въ это время лѣтухъ вскочилъ на корыто и запѣлъ: «Кукареку! вотъ здѣсь подъ корытомъ».

— Ишь, коршунъ тебя задери! — проговорила мачеха.

Услышавши это, царевичъ бросился къ корыту и сдвинулъ его. Глядь, — а тамъ та самая дѣвушка, что была въ церкви въ третій разъ, въ томъ же самомъ платьѣ и безъ башмачка на правой ногѣ. Чуть не помѣшался отъ радости царевичъ, увидѣвши ее; примѣрилъ башмачокъ, какъ разъ впору, и такой же, какъ и на лѣвой ногѣ. Взялъ ее царевичъ съ собой во дворецъ и женился на ней.